Смирившись с тем, что нежданный гость был реален, а не просто плод гиперактивных подростковых гормонов, Гарри перешёл к следующему страху. Если бы его тетя и дядя обнаружили девочку в его спальне, они бы наверняка убили его, причем, скорее всего, со значительной долей боли и нравоучений. Хотя его кузен Дадли наверняка нашел бы это забавным, Гарри сильно сомневался, что он сам так поступит. Но, несмотря на реальную возможность того, что дядя перемолет его кости в мелкий порошок, чтобы посыпать им тетушкины розы, Гарри был очень рад видеть своего друга. За последние несколько недель юноша стал все больше ценить свою эксцентричную подругу; казалось, она была единственным человеком, способным помочь ему справиться со стрессом. Лу́на, казалось, понимала его лучше, чем кто-либо другой, и он находил ее общество очень уютным.

Поговорив некоторое время, мальчик наконец расслабился и уснул на ее плече, а она заботливо уложила его в постель. Сама Лу́на свернулась калачиком на полу, чтобы дождаться утра и ожидаемой конфронтации с родственниками, которую она откладывала на потом. Она с мечтательной отрешенностью принимала оскорбления, которые могли обрушить на нее другие люди, но никому не позволила бы обидеть одного из своих друзей. Количество настоящих друзей можно было пересчитать по пальцам одной руки, а то и двух; и Гарри, конечно, был одним из них. Она не любила Гарри в романтическом смысле, в этом она была уверена, но он был человеком, которому она доверяла и о котором очень заботилась, и она не собиралась позволить его ужасной семье причинить ему боль. Джинни намекнула, что чувства Луны могут быть иными, но Луна рассудила, что Джинни как раз в том возрасте, когда она смотрит на все с романтической точки зрения. «Нет, определенно не романтично», - подумала про себя Лу́на, когда сон начал одолевать ее, и вернулась к наговорам, которые она применит к семье Гарри, если это будет необходимо.

После удивительно легкого отъезда, во время которого не потребовалось применять никаких наговоров, Гарри и Лу́на выехали с Тисовой улицы на большой травянистый луг, окруженный древним дубовым лесом. Хотя Гарри знал, что Уизли живут где-то поблизости, пейзаж вокруг дома Лавгуд сильно отличался от пастбищ и яблоневых садов, граничивших с владениями Уизли.

Дом располагался в центре луга, заросшего местными травами и дикими цветами, и казался таким же эксцентричным, как и его хозяева. Строение выглядело очень старым, и было похоже, что за свою историю оно несколько раз пристраивалось, причем в каждом случае использовались разные материалы. Самая старая часть строения была сложена из тяжелых каменных блоков, тщательно обтесанных и плотно пригнанных друг к другу, в стиле средневекового нормандского замка. Второй этаж, который, судя по всему, был добавлен совсем недавно, был построен из кирпича ручной формовки и тяжелых дубовых балок, что придавало ему скорее тюдоровский вид. Тяжелая соломенная крыша, венчавшая строение, была типичной для елизаветинского периода английской истории. Больше всего на свете старый дом напоминал большой гриб, слегка наклоненный на одну сторону, и Гарри был совершенно уверен, что магия сыграла не последнюю роль в том, что старое здание устояло.

Если этой дико эклектичной смеси материалов и стилей было недостаточно для того, чтобы дом получил звание архитектурной диковинки, он обладал еще одной уникальной особенностью, гарантированно лишающей его этого звания. В здании буквально повсюду были окна всех мыслимых форм и размеров, расположенные от самой земли до соломенной крыши. Гарри показалось, что строители хотели как можно больше контакта с внешним миром, а для

этого использовали как можно больше стекла.

Но, несмотря на всю свою эксцентричность, Гарри сразу понравился этот теплый и дружелюбный старый дом; в нем не было ничего от привычного ему черствого соответствия домов на Тисовой улице. Он очень сомневался, что во всем мире есть еще один такой же дом, и было очевидно, что людям, живущим в нем, все равно, что подумают другие. Это была очень освежающая перемена по сравнению с домом его родственников, где все было создано для того, чтобы произвести впечатление на окружающих.

За несколько дней после приезда Гарри ещё больше освоился в старом доме и проникся его тёплыми и дружескими чувствами. На рассвете солнце вливалось в окна, выходящие на восток, неся с собой положительную энергию нового, свежего дня. А на закате дом озарялся золотистым светом, от которого старинные дубовые панели приобретали медовый оттенок, и день завершался тепло и умиротворенно.

Однако, как бы ни нравился ему дом, Лу́на следила за тем, чтобы большую часть дня подросток проводил с ней вне дома, лежа в мягкой бархатной траве луга или гуляя по затененным деревьями тропинкам в темном лесу. По мере того как росло доверие к подруге, Гарри стал делиться с ней такими секретами, о которых никогда не думал, что расскажет другой живой душе; в лесу Лавгуд было что-то, что способствовало такому доверию. Он был удивлен тем, как легко ему было говорить с Лу́ной о вещах, которые до этого момента он считал очень личными и частными, а она отвечала ему сочувствием, пониманием и поддержкой.

- o -

На третий день пребывания Гарри в «Лугах» - так Лу́на называла свой дом - девушка предложила прогуляться в Оттери-Сент-Кэтчпоул. Рон и Джинни часто рассказывали об этой маленькой деревушке, и Гарри решил, что будет интересно наконец увидеть ее. День выдался теплым, дул легкий ветер, и он решил, что это идеальное место для неспешной прогулки.

Они отправились в путь сразу после завтрака: Лу́на - в старомодном летнем платье из муслина, а Гарри - в школьных брюках и единственной приличной рубашке, которая у него была. Они шли по узкой тропинке, которая вела через луг к зелёным деревьям, обозначавшим границу леса. Ветер был тёплым и ласково касался их лиц, а дикие Деревня Скрытой Травы вихрились и клубились вокруг них, как волны спокойного моря. Друзья шли в тишине, не чувствуя необходимости заводить разговор. Другие могли бы счесть тишину некомфортной, но Гарри и Луна, казалось, только больше смирились друг с другом.

http://tl.rulate.ru/book/118899/4772837